

МАРК АЛДАНОВ В ВИЛЕНСКОМ ЗЕРКАЛЕ¹

П. М. Лавринец
(Вильнюс)

В русской среде Вильно (Вильнюса, после различных перипетий инкорпорированного в состав польского государства в 1922 г.) в межвоенное двадцатилетие под влияниями различных факторов складывалась система оценок творчества современных русских писателей, в частности писателей русского зарубежья, формировались представления о литературных репутациях и иерархии в современной русской литературе. Читательская рецепция литературного творчества – существенный элемент литературного процесса: «история литературы не только история писателей, но и история читателей» (Белецкий 1922: 94)². Исследование места Марка Алданова (М. А. Ландау) среди других писателей-эмигрантов в представлениях локального сообщества исходит из предположения, что частный случай одного из провинциальных сегментов русского зарубежья позволяет судить об общих закономерностях рецепции творчества Алданова и других зарубежных русских прозаиков в русском рассеянии. Материалом исследования служат главным образом публикации виленской периодической печати на русском языке 1924–1939 гг.

Важнейший источник формирования репутации писателя – его собственные тексты (см.: Рейтблат 2001: 52). Тексты Алданова перепечатывались в виленских газетах крайне редко: выявлено всего два случая. Первый – это отклик на смерть В. И. Ленина, спустя неделю после публикации в берлинской газете «Дни» (см.: Алданов

¹ Первая версия исследования была представлена на международной научной конференции «Emigrantica продолжается: памяти Олега Анатольевича Коростелева» (Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 22–23 марта 2021 г.).

² Ср. переиздание: Белецкий 1964: 26.

1924а: 2–3) появившийся в «Виленском утре» (см.: Алданов 1924b: 2–3). Второй – перепечатанная из парижского двухнедельника «Новая Россия» виленской газетой «Русское слово» небольшая статья «К кончине Куприна», написанная в дополнение к его *in memoriam* в «Современных записках» (см.: Алданов 1938а: 317–324) не столько потому, что сказал в ней очень немногое, так как «трудно писать о человеке тотчас по его кончине», сколько потому, что такие писатели «умирают не каждый день» и откликнуться «обязано каждое русское издание, хотя бы и чисто политическое» (Алданов 1938b: 5). Но отрывки художественных произведений, статьи, заметки, очерки, рецензии писателя могли быть знакомы виленским читателям по публикациям в других периодических изданиях, доступных в Вильно. Среди них – парижская газета «Последние новости»: судя по отдельным перепечаткам и различного рода откликам в виленских изданиях, она поступала в Вильно. Тем более были доступны варшавские газеты – сначала «За свободу!», позднее «Меч» с перепечатками отрывков из романов и статей Алданова из «Последних новостей» и «Современных записок», а также из «Дней», «Новой России», «Русских записок». Доступна была рижская газета «Сегодня» с публикациями Алданова: она распространялась в качестве приложения сначала вместе с виленской газетой «Время» (1 января – 13 сентября 1930 г.), затем с газетой «Наше время» (с 1 октября 1930 г. до начала Второй мировой войны, с перерывом в два месяца в 1937 г., когда «Сегодня» в Польше была запрещена).

В библиотеке Виленского русского общества (далее ВРО), действовавшей с 1921 г., были комплекты журналов «Иллюстрированная Россия» и «Современные записки», с которыми сотрудничал писатель. В библиотеке имелись также книги Алданова. В инвентарную книгу библиотеки (с неполными библиографическими записями, в которых нередко указан в лучшем случае год издания, иногда – место или издательство) вписаны роман «Девятое термидора» с датой 1928 г., – очевидно, третье, исправленное издание (Берлин: «Слово», 1928), – и повесть «Святая Елена, маленький остров» с датой 1926 г., – явно второе, исправленное издание

(Берлин: «Слово», 1926)³. В 1932 г. адвокат А. Н. Крестьянов, председатель ВРО, подарил библиотеке еще экземпляры «Девятого термидора» и «Святой Елены», а также «Чертов мост», по-видимому берлинских изданий 1923–1926 гг.⁴ В 1936 г. в инвентарную книгу с обозначением места и издательства были внесены «Девятое термидора» (вероятно, Берлин: «Медный всадник», 1923) и «Чертов мост» (Берлин: «Слово», 1925)⁵.

В 1933 г. от того же Крестьянова в библиотеку поступила книга «Земля, люди» (1932), от деятеля ВРО М. Г. Герасимюка – «Современники» (вероятно, второе берлинское издание 1932 г.)⁶. Кроме того, в библиотеке были «Заговор», «Ключ», «Портреты», «Бегство», «Пещера», «Десятая симфония», «Загадка Толстого», «Юность Павла Строганова»⁷.

На литературные темы в виленских газетах в 1920-х гг. выступал главным образом Д. Д. Бохан с большим довоенным опытом журналиста, критика, переводчика польской литературы (см.: Sielicki 1996: 246–247). Он же был главным организатором литературных вечеров, собраний, дискуссий (см.: Zienkiewicz 1996: 71–75). Надо полагать, что его оценки оказывали существенное влияние на формирование представлений виленской публики о современной русской литературе. Алданов в одной из статей Бохана перечисляется вторым после Д. С. Мережковского в ряду писателей-эмигрантов (А. И. Куприн, Б. К. Зайцев, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, А. М. Ремизов, К. Д. Бальмонт, Е. Н. Чириков и другие), творчество которых говорит о развитии русской литературы в тяжелейших условиях, о том, что «оторванность от России не пресекла художественного творчества». Если часть перечисленных были «гор-

³ См.: Инвентарный порядковый каталог книг библиотеки В[иленского] Р[усского] Общества. – LCVA. F. 312. Ар. 1. В. 5. Л. 28° (Литовский центральный государственный архив. Ф. 312. Оп. 1. Д. 5. Л. 28 об.).

⁴ Там же. Л. 91° (Л. 91 об.).

⁵ Там же. Л. 211° (Л. 211 об.).

⁶ Там же. Л. 135° (Л. 135 об.).

⁷ Там же. Л. 65°, 116°, 142°, 142°, 144°, 165°, 203° (Л. 65 об., 116 об., 142 об., 144 об., 165 об., 203 об.).

достью русской литературы еще до войны – то ведь Алданова, Сирина, Цветаеву и других – дала эмиграция!» (Бохан 1929а: 2–3). В другой статье ряд кратких характеристик ведущих зарубежных русских писателей открывает Бунин, «явление совершенно исключительное в зарубежной литературе», «прямой наследник Тургенева». Но он – «писатель старой генерации» и оказался на чужбине уже «с громким именем и огромной славою»; эмиграция же «выдвинула из своей среды и новых писателей, до войны не писавших» и уже завоевавших «видное положение в иерархии пишущей братии», первым назван Алданов:

Первое место среди них принадлежит М. А. Алданову, автору исторических романов из эпохи кровавых и страшных дней французской революции и наполеонады, в которых русский читатель невольно ищет сравнений и параллелей с кошмарной большевицкой деятельностью (Бохан 1929b: 2).

Перечислив романы тетралогии «Мыслитель», Бохан отметил высокие художественные достоинства романов, благодаря которым Алданов «выдвинулся в эмигрантской литературе». Во многих сценах «чувствуется рука великого мастера, невольно вызывающая на память бесподобные описания Толстого». Но есть и бледные страницы, портящие целое; впрочем, отдельные провалы не помешали успеху произведений Алданова. Его «почему-то ставят рядом с Мережковским, с которым у него нет ничего общего, кроме разве того, что он тоже является автором тетралогии, и тоже исторической, хотя из совершенно других эпох истории». Далее названы А. М. Ремизов, великий мастер и знаток русского языка, «ничего, впрочем, блестящего не давший на эмиграции» (Там же), В. С. Немирович-Данченко, эмигрантские произведения которого не превосходят «по своей литературной и художественной ценности его лучших произведений более раннего периода творчества», «подлинный наследник лучших русских классиков, яркий бытописатель современности» А. И. Куприн, который тоже «не создал за границу вещей, значительно превосходящих своей художественной ценностью то, что было им написано до войны»,

Д. С. Мережковский, зазвучавший в эмиграции по-новому, но в публицистике (Бохан 1929с: 2).

Алданов оказался в центре докладов Бохана на празднованиях ежегодного Дня русской культуры в 1930 г. Сначала в Новой Вильне, небольшом городе в 10 километрах от Вильно, в докладе «Россия и Запад – две культуры» докладчик назвал самых выдающихся писателей двух ветвей русской литературы – «там» П. С. Романов, «здесь» Марк Алданов (см.: Бохан 1930а: 2). Затем в Вильно на торжественном заседании по случаю Дня русской культуры в докладе «Культурные достижения русской эмиграции» Бохан остановился на Алданове – «талантливом представителе исторического направления литературы» (Малофеев 1930: 2). Перечислив «старую гвардию» (В. С. Немирович-Данченко, А. И. Куприн, И. А. Бунин, А. В. Амфитеатров, Д. С. Мережковский), он назвал и «молодые силы» – М. А. Алданова и В. Сирина. В газетном отчете говорилось:

Затем оратор с энтузиазмом отозвался об Алданове, которого считает коренным реформатором исторической повести и, на противопоставлении его В. Скотту, Флоберу, Эберсу, Толстому – выясняет смысл его новаторства. Как Блок первый после Пушкина указал русской поэзии новые пути развития, так Алданов сделал это для исторической повести в мировой литературе. Указывая на такие «вершины», как Алданов и Сирин – оратор приходит к выводу, что русская эмиграция с честью выполняет историческую задачу, выпавшую на ее долю: не только хранит достижения русской культуры, но и ведет работу по ее углублению и развитию (Б. п. 1930: 3).

Очевидно, доклад лег в основу статьи Бохана о литературе русской эмиграции на польском языке, появившейся два года спустя в краковском журнале „Gazeta Literacka” (см.: Vochan 1932: 137–138). Автор предсказуемо охарактеризовал старшее поколение эмигрантских писателей, заслуживших известность еще до войны, – В. С. Немировича-Данченко, Е. Н. Чирикова, И. А. Бунина, А. В. Амфитеатрова, Д. С. Мережковского, перечислил И. С. Шмелева,

М. А. Осоргина, А. М. Ремизова и уже покойного к тому времени М. П. Арцыбашева (в Польше, куда писатель эмигрировал в 1923 г., он занимал особое место благодаря своей бескомпромиссной антисоветской политической позиции и публицистике; см.: Sieliński 1996: 96–104; Szyszko 1996: 7–16). Бохан утверждал, что ни один из них в эмиграции не создал ничего, что превосходило бы их довоенное творчество. «Митина любовь» Бунина, «Неупиваемая чаша» Шмелева, «Житие Сергия Радонежского» Зайцева, «Золотой петух» Куприна – высоких художественных достоинств, но ничем не лучше прежних произведений и не поднимают литературу на уровень И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Лучше обстоит дело с писателями нового поколения, во главе которых – писатель большого таланта Алданов. По мысли критика, творческое усилие русской эмиграции наилучшее выражение нашло не в поэзии (в отличие от польского духа, который во времена неволи создал непревзойденные произведения романтической поэзии), но в историческом романе. По словам критика, каждый русский, читая Алданова, прекрасно понимает, что за историческими персонажами его романов из эпохи Французской революции стоят кровавые герои октябрьской резни, большевики и чекисты. Алданов – несравненный мастер индивидуальной характеристики. Каждый его герой, будь то персонаж исторический или же вымышленный, – словно высечен из мрамора; каждое движение, каждая мысль психологически обоснованы и никогда не выходят за рамки исторической правды. Не осмеливаясь, по собственным словам, назвать Алданова гениальным, Бохан определил автора тетралогии «Мыслитель» реформатором исторического романа. Рядом с Алдановым можно поставить только молодого писателя В. Сирина (Набокова): ему по романам «Машенька» и «Король, дама, валет» можно предсказывать в будущем большую роль в литературе (см.: Vochan 1932: 137–138).

Возможно, мысль о писателе как реформаторе исторического романа, прозвучавшую сначала в докладе в 1930 г., затем повторенную в статье 1932 г., Бохан прямо заимствовал из статьи Теодора Парницкого (см.: Parnicki 1930: 277–280). Статья молодого польского критика и начинающего писателя вышла в номере варшавского

еженедельника, датированном 4 мая 1930 г., за месяц до Дня русской культуры. О знакомстве с этой публикацией говорит статья Бохана в одном из ноябрьских номеров виленской газеты 1930 г., в которой среди прочего дана высокая оценка непредвзятости Парницкого в отношении русского писателя-эмигранта (см.: Бохан 1930b: 2). Выступление Парницкого для Бохана было тем ценнее, что ему чаще приходилось иметь дело с публикациями, содержащими, на его взгляд, принижение достоинств творчества русских писателей и чрезмерное возвеличивание заурядных польских произведений. Показательно, что тетралогия, по которой Парницкий судил о творчестве Алданова, еще не была переведена на польский язык: к тому времени в польском переводе была напечатана только повесть «Святая Елена, маленький остров» в виленской газете „Słowo” в ноябре – декабре 1926 г., затем в том же году вышла отдельным изданием в Варшаве⁸.

В изложении доклада Бохана и в его статье на польском языке отсутствуют литературный контекст и обоснование реформаторства Алданова. Парницкий же обрисовал положение исторического романа: прежняя форма исторического романа устаревает, хотя произведения такого рода все еще способны завоевывать признание, как это случилось с романами «Кристин, дочь Лавранса» Сигрид Унсет или «Золотая вольность» Зофьи Коссака. Эту форму Гюстава Флобера, Генрика Сенкевича или Георга Эберса затмила модная разновидность жанра – роман-биография (*la vie romancé*). Жанру грозило бы исчезновение, если бы не показались первые признаки его обновления. Они появились там, где их меньше всего можно было бы ждать, – в литературе русской эмиграции. Парницкий отметил (как за ним Бохан), что по мнению, популярному в эмиграции, под видом Французской революции писатель изобразил революцию русскую. Польский критик (как за ним Бохан) высоко оценил писательское мастерство Алданова в воссоздании эпохи и несравнимую искусность и новаторство в изображении исторических персонажей. По убеждению Парницкого, Вальтера

⁸ Подробнее о рецепции Алданова в межвоенной Польше см.: Sielicki 1996: 125–133.

Скотта читают только особые любители, да и то пропуская десятки страниц; учебники литературы стесняются уделять место Александру Дюма, романы которого относят к тому же роду, что и романы Понсона дю Террайя, Майн Рида и Фенимора Купера; «Саламбо» Гюстава Флобера читают только языковеды в поисках стилистических перлов и историки в поисках мелких исторических неточностей. Живой читательский интерес вызывают только романы трех славянских писателей – «Война и мир» Льва Толстого, трилогия Генрика Сенкевича и тетралогия Алданова. Тетралогия стала новой эпохой в истории исторического романа и в истории художественной литературы в целом. Русский писатель сумел вобрать весь опыт исторического романа от Вальтера Скотта до недавнего времени, преодолеть его и создать новые, совершенно оригинальные шедевры (см.: Parnicki 1930: 277–280).

В 1933 г. Бохан повторил некоторые положения Парницкого и его сопоставления с теми же авторами исторических романов на «четверге» Литературно-художественной секции ВРО в докладе «М. А. Алданов как исторический романист, автор тетралогии “Мыслитель”»:

Отметив огромные художественные достоинства Алданова, докладчик назвал его реформатором исторического романа, проводя параллель между им и Вальтер-Скоттом, Л. Толстым и Сенкевичем. Докладчик остановился на методологии творчества Алданова, который не рассказывает, а рисует, характеризуя своих героев резкими импрессионистическими штрихами. Все его типы жизненны, характерны и не похожи один на другого (Б. п. 1933: 4).

Но в месте среди русских классиков докладчик Алданову отказал, несмотря на огромный талант и художественные достоинства произведений, поскольку в его творчестве «нет проявления любви к России, к русской культуре, к русскому народу». Он – «писатель-космополит, и что он пишет по-русски – просто случайность». Кроме того, Алданов «не выносит мысли, что какой-либо из его героев может понравиться читателю, и если герой изображен симпатичными чертами – тотчас же следует авторский “плевок”»

по адресу героя». Писатель никого не любит⁹; он не учит своих читателей, «как все подлинные русские классики, любить Россию и русский народ». Одно из возражений участников дискуссии состояло в том, что холодность, объективность Алданова в отношении к своим героям является достоинством, а не недостатком. В отличие от Сенкевича, у которого герои являются «средоточием или всех отрицательных, или всех положительных черт», персонажи Алданова – живые люди со слабостями и пороками. Но Бохана поддержали другие участники литературного вечера, выступившие с соображениями о том, что русским писателям не свойственно относиться без любви к своим героям, хотя бы и к отрицательным типам; русский писатель не имеет права холодно, безучастно подходить к событиям русской смуты (Б. п. 1933: 4).

Единожды высказанные негативные суждения о некоторых сторонах творчества писателя не сказались на общей высокой его оценке. Алданов неизменно назывался в ряду лучших писателей русского зарубежья, например в возражениях Бохана Г. В. Адамовичу, когда в виленской газете были изложены взгляды парижского критика на советскую литературу и литературу русского зарубежья. Итоги двадцатилетия, по Адамовичу, печальны: «были отдельные хорошие произведения и на родине, и за рубежом, но литературы советская и эмигрантская не удалась, – их нет». Бунин, Мережковский, Зайцев – «продолжатели великих заветов русской литературы», пишут о прошлом, и в их новых произведениях «“эмигрантского” почти нет». Эмигрантскую литературу должна представлять «“молодежь” в возрасте 25–45 лет: Поплавский, Ладинский, Сиринов, Алданов, Лукаш, Г. Иванов, Корсак и др.». Но литература, выросшая в эмиграции, не удалась: есть отдельные хорошие вещи, но литературы в целом нет (Vitale 1938: 2)¹⁰. По поводу доклада Адамовича Бохан напомнил жалобы критиков

⁹ Г. В. Адамович еще в 1928 г. в связи с публикацией в «Современных записках» очередного отрывка романа Алданова «Ключ» в «Последних новостях» заметил, что трудно представить себе, что Алданов любит своих героев (см.: Адамович 1928: 3); см. также переиздание: Адамович 2002: 83.

¹⁰ Детальнее см.: Лавринцев 2021: 43–44.

XIX в. на упадок русской литературы в то время, когда творили великие русские писатели, привел примеры недооценки творчества признанных впоследствии классиков и предположил, что парижский критик недооценил ни лучших, на его взгляд, советских писателей, «ни Бунина, Мережковского – и особенно Алданова» (Бохан 1938а: 4). Спустя две недели виленский критик еще раз вернулся к выступлению Адамовича, приведя его в качестве примера свойственного русским пренебрежения ко всему русскому, и снова упомянул Алданова:

Пусть Георгий Адамович горько плачется насчет современной русской литературы: эмигрантская литература не вышла, а советская, мол, и совсем подвела! Но, во-первых, первая дала Алданова и Сирина, а вторая – Шолохова и Романова, а во-вторых, в какой литературе Запада есть сейчас имена более крупные и произведения более значительные? (Бохан 1938b: 2)

Мнение Адамовича об упадке советской литературы и его причинах (см.: Адамович 1938: 3)¹¹ Бохан разделил, но усматривал если не упадок, то застой и в эмигрантской литературе. В сдержанных оценках ее достижений исчез мотив новаторства Алданова; его циклам исторических романов не уступают «Петр Первый» А. Н. Толстого, «Русь» П. С. Романова, «Тихий Дон» М. А. Шолохова. Более того, талант Алданова уже отцвел:

Кроме старых, дореволюционных имен, начиная с Мережковского, Бунина, Зайцева, Шмелева, Осоргина, Алданова (талант последнего расцвел и отцвел уже на эмиграции), Наживина и еще двух-трех – что мы, зарубежники, имеем, кроме Сирина, Гущика и... также еще двух-трех? (Бохан 1938с: 5)

Единственный критический очерк в виленской печати, целиком посвященный Алданову, принадлежит Ксении Костенич. Она жила во Владимире-Волынском, в середине 1930-х гг. вошла в русскую печать автором «этюдов характеристики творчества» Сирина,

¹¹ Ср. переиздание: Адамович 2018: 549–553.

И. В. Одоевцевой, И. С. Лукаша, Сергея Горного, Н. А. Тэффи, также рецензий на романы «Приглашение на казнь» Сирина и «Вьюга» Лукаша, оба выпуска альманаха Б. Миклашевского (П. П. Балакшина) «Земля Колумба» (Сан-Франциско), книгу «Славянские боги» А. А. Кондратьева. После Второй мировой войны в Польше Костенич стала историком польской литературы, специалистом по биографии и творчеству Адама Мицкевича (см.: Dernałowicz 1986: 425–436).

Замечания о творчестве Алданова обнаруживаются в статье Костенич, появившейся ранее очерка творчества писателя. В статье рассматривались «чувство родины, любовь к ней, мысли о ней и воспоминания», которые в произведениях писателей-эмигрантов трансформировались в мотив обращенности к прошлому. Костенич отметила, что это «шестое чувство» (по рассказу Куприна «Шестое чувство») есть у всех русских писателей – у И. А. Бунина, А. М. Дроздова, Б. К. Зайцева, М. А. Осоргина, Алданова. Лишь у последнего была попытка, «заглянув в прошлое, разъяснить настоящее и предопределить будущее (тетралогия “Мыслитель”», но, как «почти всегда бывает с историческими прецедентами», похожее оказалось вовсе не похожим (Костенич 1934: 2).

В очерке творчества Алданова Костенич предсказывала, что писатель войдет в историю литературы и займет в ней немало страниц. Он не будет, в силу своеобразия, причислен к какой-либо группе. По той же причине Алданову невозможно подражать и у него нет последователей. Нельзя научиться алдановскому дару приблизить эпоху, но можно и нужно научиться «писательской элегантности – чистоте и правильности языка; исторические романы совспецы¹² еще пишут суконным, неудобопонятным языком “колорита времени” ради – старый, и очень давно признанный негодным прием <...>». Алданов же и о XVIII в., и о XX в. пишет «одинаково чистым и правильным, простым, без побрякушек, безукоризненно точным языком». Однако своеобразие его произведений заключается не столько в «простоте и точности, в отчетливом знании всех тонкостей речи», сколько в типе героя:

¹² К. Костенич имела в виду А. Н. Толстого и Ю. Н. Тынянова.

очень умный, все изведавший, стоящий неизмеримо выше толпы, «одинаково презирующий как человеческие ошибки, глупость, пороки, так и патриотизм, и веру, и честь, и любовь, и долг. Он – вне человеческих законов, вне этики, морали, вне принципов». Таким героем Алданова «начата новая глава в истории литературных героев» (Костенич 1935: 4).

Единственный развернутый отзыв о произведении Алданова оказался и последним откликом на творчество писателя, обнаруженным в виленской русской печати. Им стала рецензия Бохана на книжное издание первой части романа «Начало конца» (см.: Алданов 1939). Характеристику романа виленский критик предварил рассуждениями о том, что «всякий автор – хозяин своего произведения и волен писать, как ему угодно», подкрепив их примерами историософских отступлений в «Войне и мире» Толстого, описаний природы у Тургенева, «весьма обстоятельные биографии» не только героев «увесистых романов» Ч. Диккенса и У. Теккерея, но и их предков, «растянутые на десятки страниц описания средневековых шотландских замков у В. Скотта». Автор волен избирать форму, наиболее подходящую его произведению; но Алданов – «большой писатель и является вполне законным предъявление к нему повышенных требований». Он приобрел репутацию тетралогией, являющейся «превосходным образчиком по оригинальным, “алдановским” подходам к сюжету». Поэтому от новой книги можно было ожидать «и быстрого развития действия, и блестящих характеристик, художественных образов». Но книга Алданова этими «блестящими достоинствами не отличается». Ее нельзя отнести к историческим произведениям, потому что в нем упоминаются «как современники, и Муссолини и Гитлер, и рас Сейюм и абиссинская война»; назвать романом тоже невозможно (критик все же называет «Начало конца» романом). Книга может быть началом романа, «причем автор на 319 страницах едва справился с характеристикой своих главных героев». Описания поездки полпреда Кангарова-Московского и роскошного обеда, устроенного им в Париже, «не являются романом и даже не могут служить завязкою исторического или бытового с психологической

фабулой романа в общепринятом смысле». Книга – «ряд блестящих, мастерски, “по-алдановски” сделанных характеристик, обнаруживающих и знание психологии, и знание описываемой среды, и огромную эрудицию, а ля Лев Толстой – злоупотребление французским языком». Но «несмотря на все эти пункты сходства с Толстым, ничего толстовского в развитии действия нет». Кратко представив яркие образы героев книги, Бохан отметил абсолютно ничем не связанный с «фабулой романа (да, впрочем, и фабулы никакой нет)» инцидент убийства богатого рантье Шартье секретарем писателя Вермандуа Альвера, описанный «с огромным талантом»; непонятно, какую роль играет короткая глава XIV с описанием катания детей на карусели (Бохан 1939: 7).

Современное исследование убедительно показало, как фрагментарное включение в роман истории Альвера с эпизодом убийства подчеркивает параллельность событий, а главка с каруселью призвана «подготовить читателя <к> восприятию символического характера» следующих глав и их «внутренней связи в структуре целого» (Дронова 2011: 117). Но на Бохана «ряд чудесных картин», нарисованный рукой «большого мастера», произвел впечатление отсутствующей цельности (Бохан 1939: 7). Бохан в выступлениях на литературные темы последовательно придерживался консервативных установок, полагая необходимым сохранять традиции русской культуры и канонизированные литературные приемы, и негативно оценивал формальные искания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он увидел скорее недостаток в том, что другой, более прозорливый критик расценил как достоинство: в ситуации начавшегося конца жизни героев «не “сплетаются” в одну жизнь, так как в сущности они уже не живут», поэтому в романе «нет никакой “интриги” (дословно – “сплетение”), а только ряд чередующихся отрывочных эпизодов», и «такая “внешняя” форма как раз наиболее соответствует “внутренней» (Бицилли 1939: 197).

Таким образом, виленской публике были знакомы практически все художественные произведения Марка Алданова, его публицистика и критика и по отдельным берлинским и парижским

изданиям, и по публикациям и перепечаткам в русской зарубежной периодике; во всяком случае, возможность такого знакомства наличествовала. В статьях о русской зарубежной литературе и редких публичных докладах и обсуждениях Алданов занимал высокое место в литературной иерархии: он включался в ряд наиболее выдающихся писателей-эмигрантов и признавался, наряду с В. В. Набоковым, крупнейшим представителем поколения созревших в эмиграции авторов, поколения, следующего за когортой состоявшихся еще в России писателей. Писатель признавался реформатором исторического романа (не без влияния польской критики), мастером стиля, создателем нового типа литературного героя. Вместе с тем Алданову адресовались упреки в космополитичности и равнодушии к судьбам России и своих героев. Главную роль в формировании и поддержании литературной репутации Алданова в локальном сообществе играл ведущий критик виленской печати Д. Д. Бохан.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г. В. 1928. «Современные записки», кн. XXXVI. Часть литературная. – Последние новости. № 2752. 4 октября. С. 3.
- Адамович Г. 1938. Ответ читателю. – Последние новости. № 6423. 27 октября. С. 3.
- Адамович Г. В. 2002. Собрание сочинений: Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Предисловие, подготовка текста, сост. и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.
- Адамович Г. В. 2018. «Последние новости». 1936–1940 / Подготовка текста, сост. и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.
- Алданов М. А. 1924а. Неправдоподобный сценарий. – Дни. № 371. 27 января. С. 2–3.
- Алданов М. А. 1924б. Неправдоподобный сценарий. – Виленское утро. № 836. 4 февраля. С. 2–3.
- Алданов М. 1938а. Памяти А. И. Куприна. – Современные записки. Кн. LXVII. С. 317–324.
- Алданов М. 1938б. К кончине Куприна («Новая Россия»). – Русское слово. № 239 (2052). 14 октября. С. 5.

- Алданов М. А. 1939. Начало конца. Часть I. [Париж]: Издательство «Русские записки».
- Белецкий А. 1922. Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя). – Наука на Украине. № 2. С. 94–105.
- Белецкий А. И. 1964. Избранные труды по теории литературы / Под общей ред. Н. К. Гудзия, сост. и примечания А. А. Гозенпуда. М.: Просвещение.
- Бицилли П. 1939. [Рец. на кн.:] М. А. Алданов. «Начало конца», ч. I. – Изд. «Русск. Записок», Шанхай, 1939 г. – Русские записки. № 18. С. 196–198.
- [Б. п.] 1930. День Русской Культуры в Вильне. – Наша жизнь. № 490. 11 июня. С. 3.
- [Б. п.] 1933. М. А. Алданов, как исторический романист (Последний «Литературный четверг» в Вильне). – Наше время. № 207 (917). 2 сентября. = Русское слово. № 207 (487). С. 4.
- (б) [Бохан Д. Д.] 1929а. Творческая мощь – или упадок? (О русской литературе). – Наша жизнь. № 141. 20 апреля. С. 2–3.
- (б) [Бохан Д. Д.] 1929б. О Зарубежной литературе (Очерки). – Наша жизнь. № 185. 13 июня. С. 2.
- (б) [Бохан Д. Д.] 1929с. О Зарубежной литературе (Очерки) (Продолжение). – Наша жизнь. № 187. 15 июня. С. 2.
- (б) [Бохан Д. Д.] 1930а. Празднование Дня Русской Культуры в Новой Вилейке. – Наша жизнь. № 483. 3 июня. С. 2.
- Б. [Бохан Д. Д.] 1930б. Свобода и почва (О двух русских литературах). – Наше время. № 28. 2 ноября. С. 2.
- Бохан Д. Д. 1938а. Критические заметки. – Русское слово. № 144 (1957). 23 июня. С. 4.
- Бохан Д. Д. 1938б. О самооплевании и самообожании (Критические заметки). – Наше время. № 102 (2344). 7 июля. = Русское слово. № 156 (1969). С. 2, 5.
- Бохан Д. Д. 1938с. Записки журналиста. – Русское слово. № 255 (2068). 2 ноября. С. 5.
- Бохан Д. Д. 1939. Новый роман М. А. Алданова. – Русское слово. № 101 (2219). 30 апреля – 1 мая. С. 7.
- Дронова Т. И. 2011. Художественное осмысление современности 1930-х годов в романе М. А. Алданова «Начало конца». – Известия Саратов-

- ского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». Т. 11. Вып. 3. С. 111–120.
- Костенич К. 1934. «Шестое чувство» в современ. русской литературе. – Наше время. № 290 (1308). 11 декабря. = Русское слово. № 290 (878). С. 2.
- Костенич К. 1935. М. Алданов (Этюд характеристики творчества). – Наше время. № 157 (1480). 7 июля. = Русское слово. № 157 (1049). С. 4.
- Лавринец П. 2021. Виленские отголоски критических выступлений Адамовича. – Георгий Адамович и... (К проблеме изучения культуры русской диаспоры). Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева (1959–2020). *Georgijs Adamovičs un krievu diasporas kultūra. Oļega Korosteļova (1959–2020) piemiņai*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. С. 37–47. (*Rusistica Latviensis* 9).
- М. [Малофеев С. Г.?] 1930. «День Русской Культуры» в Вильне. – Время. № 139. 11 июня. С. 2.
- Рейтблат А. И. 2001. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение.
- Bochan, D. 1932. *Literatura emigracji rosyjskiej*. – *Gazeta Literacka*. Nr 9. S. 137–138.
- Dernałowicz, M. 1986. *Ksenia Kostenicz (14 czerwca 1913 – 10 lutego 1985)*. – *Pamiętnik Literacki*. T. 77. Nr 1. S. 425–436.
- Parnicki, T. 1930. *Tołstoj – Sienkiewicz – Ałdanow*. – *Myśl Narodowa*. Nr 18. 4 maja. S. 277–280.
- Sielicki, F. 1996. *Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. (*Acta Universitatis Wratislaviensis* № 1716: *Slavica Wratislaviensia LXXXVIII*).
- Szyszko, T. 1996. *Pisarski żywot emigracyjny Michała Arcybaszewa*. – *Studia Rossica III: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia* / Pod red. W. Skrudny, W. Zmarzer. Warszawa: *Studia Rossica*. S. 7–16.
- Vitale, N. 1938. *На литературном собрании (Из Парижа)*. – *Русское слово*. № 141 (1954). 19–20 июня. С. 2, 5.
- Zienkiewicz, T. 1996. „*Literaturno-Artisticzeskaja siekcyja*” i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939. – *Studia Rossica III: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia* / Pod red. W. Skrudny, W. Zmarzer. Warszawa: Wydawnictwo *Studia Rossica*. S. 69–75.

REFERENCES

- Adamovich, G. Review of *Sovremennye zapiski*, vol. 36. *Poslednie novosti*. October 4, 1928.
- . “Otvét chitateliu.” *Poslednie novosti*. October 27, 1938.
- . *Sobranie sochinenii. Literaturnye zametki*. Vol. 1, “*Poslednie novosti*” 1928–1931. Prefaced, edited and annotated by O. A. Korostelev. Saint Petersburg: Aletheia, 2002.
- . “*Poslednie novosti*”. 1936–1940. Edited and annotated by O. A. Korostelev. Saint Petersburg: Aletheia, 2018.
- Aldanov, M. A. “Neprawdopodobnyi stsenarii.” *Dni*. January 27, 1924.
- . “Neprawdopodobnyi stsenarii.” *Vilenskoe utro*. February 4, 1924.
- . “Pamiati A. I. Kuprina.” *Sovremennye zapiski* 67 (1938): 317–324.
- . “K konchine Kuprina (‘Novaia Rossiia’).” *Russkoe slovo*. October 14, 1938.
- . *Nachalo kontsa*. Pt. 1. [Paris]: Izdatel’stvo “Russkie zapiski,” 1939.
- Beletskii, A. “Ob odnoi iz ocherednykh zadach istoriko-literaturnoi nauki (Izuchenie istorii chitatelia).” *Nauka na Ukraine* 2 (1922): 94–105.
- . *Izbrannye trudy po teorii literatury*. Edited by N. K. Gudzii. Compiled and annotated by A. A. Gozenpud. Moscow: Prosveshchenie, 1964.
- Bitsilli, P. Review of *Nachalo kontsa*, by M. A. Aldanov. *Russkie zapiski* 18 (1939): 196–98.
- Bochan, D. “Literatura emigratsii rosyjskoi.” *Gazeta Literacka* 9 (1932): 137–38.
- (b) [D. D. Bokhan, pseud.]. “Tvorcheskaia moshch’ – ili upadok? (O russkoi literatury).” *Nasha zhizn’*. April 20, 1929.
- . “O Zarubezhnoi literature (Ocherki).” *Nasha zhizn’*. June 13, 1929.
- . “O Zarubezhnoi literature (Ocherki) (Prodolzhenie).” *Nasha zhizn’*. June 15, 1929.
- . “Prazdnovanie Dnia Russkoi Kul’tury v Novoi Vileike.” *Nasha zhizn’*. June 3, 1930.
- B. [D. D. Bokhan, pseud.]. “Svoboda i pochva (O dvukh russkikh literaturakh).” *Nashe vremia*. November 2, 1930.
- Bokhan, D. D. “Kriticheskie zametki.” *Russkoe slovo*. June 23, 1938.
- . “O samooplevanii i samoobozhanii (Kriticheskie zametki).” *Nashe vremia / Russkoe slovo*. July 7, 1938.
- . “Zapiski zhurnalista.” *Russkoe slovo*. November 2, 1938.
- . “Novyi roman M. A. Aldanova.” *Russkoe slovo*. April 30 – May 1, 1939.
- Dernałowicz, M. “Ksenia Kostenicz (14 czerwca 1913 – 10 lutego 1985).” *Pamiętnik Literacki* 77, no. 1 (1986): 425–36.

- Dronova, T. I. "Khudozhestvennoe osmyslenie sovremennosti 1930-kh godov v romane M. A. Aldanova 'Nachalo kontsa'." *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seria "Filologiya. Zhurnalistika"* 11, no. 3 (2011): 111–20.
- Kostenich, K. "'Shestoe chuvstvo' v sovremen. russkoi literature." *Nashe vremia / Russkoe slovo*. December 11, 1934.
- . "M. Aldanov (Etiud kharakteristiki tvorchestva)". *Nashe vremia / Russkoe slovo*. July 7, 1935.
- Lavrincec, P. "Vilenskie otgoloski kriticheskikh vystuplenii Adamovicha." In *Georgii Adamovich i... (K probleme izucheniia kul'tury russkoi diaspor)*. *Posviashchaetsia pamiati Olega Anatol'evicha Korosteleva (1959–2020). Georgijs Adamovičs un krievu diasporas kultūra. Oļega Korosteļova (1959–2020) piemiņai*. *Rusistica Latviensis* 9, 37–47. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2021.
- M. [Malofeev, S. G.?]. "'Den' Russkoi Kul'tury' v Vil'ne." *Vremia*. June 11, 1930.
- Nasha zhizn'*. "Den' Russkoi Kul'tury v Vil'ne." June 11, 1930.
- Nashe vremia / Russkoe slovo*. "M. A. Aldanov, kak istoricheskii romanist (Poslednii 'Literaturnyi chetverg' v Vil'ne)." September 2, 1933.
- Parnicki, T. "Tołstoj – Sienkiewicz – Ałdanow." *Mysł Narodowa* 18 (1930): 277–80.
- Reitblat, A. I. *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
- Sielicki, F. *Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej*. *Acta Universitatis Wratislaviensis 1716, Slavica Wratislaviensia 88*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996.
- Szysko, T. "Pisarski żywot emigracyjny Michała Arcybaszewa." In *Studia Rossica*. Vol. 3, *Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia*. Edited by W. Skruna, and W. Zmarzer, 7–16. Warszawa: Wydawnictwo *Studia Rossica*, 1996.
- Vitale, N. "Na literaturnom sobranii (Iz Parizha)." *Russkoe slovo*. June 19–20, 1938.
- Zienkiewicz, T. "'Litieraturno-Artisticzeskaja siekcyja' i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939." In *Studia Rossica*. Vol. 3, *Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia*. Edited by W. Skruna, and W. Zmarzer, 69–75. Warszawa: Wydawnictwo *Studia Rossica*, 1996.